

Вэнь Хао взглянул на сцену и воскликнул:

— Я слышал об этой пьесе! Её поставил господин Мэй, но, говорят, он исполнил её лишь единожды, прежде чем уехать в Гонконг, и больше никогда не играл.

— Именно так, — с гордостью отозвался Ли Юньтун, словно ожидая похвалы за свою предусмотрительность. — Труппа Ли специально раздобыла партитуру в обществе Чэнхуа и долго репетировала. Сегодня их премьера. Если бы я не забронировал ложу заранее, мы бы ни за что не смогли насладиться этим зрелищем.

— Если не увидим сегодня, завтра будет то же самое.

Ли Юньтун насмешливо фыркнул:

— Завтра? Ты разве не знаешь, что в Чунцине кино, пьесы и большие спектакли можно увидеть только в течение трёх зимних месяцев? Расписание выступлений забито наглухо, не надейся на завтра.

— Всего три месяца? — удивлённо переспросил Вэнь Хао.

— Ты что, не слышал? Поскольку в первой половине года город дважды подвергся бомбежкам, только зимой, когда опускаются густые туманы, мы можем спокойно и без опаски выходить в свет. Поэтому все театральные постановки ютятся в конце года.

— Вот оно что... — Вэнь Хао осознал, что от последствий жестокой войны никому не скрыться.

Не успел он погрузиться в размышления, как кто-то толкнул его в плечо.

— Прошу прощения, — тут же извинился человек, задевший его со спины.

Вэнь Хао обернулся и увидел лицо — одновременно знакомое и чужое. Это был тот самый мужчина! Тот, с кем он плыл на одном корабле, покупал ребёнка и ехал на джипе. Видимо, этот человек действительно обладал выдающейся внешностью: одного раза хватило, чтобы запомнить его надолго. Он по-прежнему был безупречно одет в костюм и пальто тонкого кроя, двигался с грацией, превосходящей выправку любого кадрового военного, а его ослепительное, вызывающее дерзкие мысли лицо делало его образ по-настоящему блистательным. Однако Вэнь Хао не забыл: за внешней оболочкой скрывалось гнилое нутро.

Мужчина, очевидно, тоже узнал Вэнь Хао. Он одарил его полунасмешливой, нахальной улыбкой и, обняв спутника, направился в зал. С ним был юноша в сером шёлковом халате. Тот был невероятно красив, его манеры отличались такой мягкостью и женственностью, что Вэнь Хао при первом же взгляде принял его за девушку в мужском наряде. В то время среди столичных куртизанок было модно переодеваться в мужчин — ещё двадцать лет назад знаменитая Сяо Фэнсянь, подруга генерала Цай Э, часто появлялась на публике с короткой стрижкой и в мужском халате, напоминая изящного юношу.

Однако, лишь войдя в ложу вместе с Ли Юньтуном, Вэнь Хао понял, как сильно ошибался.

Прогревели три удара барабана, прозвучал сигнал генерала, загревели гонги — спектакль начался. Чтобы сразу завоевать внимание публики, первой поставили боевую сцену, за которую зрители наградили актёров громкими овациями. Без такой поддержки кульминация представления могла затянуться до глубокой ночи. Вэнь Хао и его друг стояли у края ложи, аплодируя вместе со всеми.

В этот момент из соседней ложи донеслось звонкое, высокое:

— Браво!

Голос был отчётливым, но отличался от тонкого женского тембра. Движимый любопытством, Вэнь Хао взглянул в ту сторону и, как на грех, увидел, что в соседней ложе стоят те самые мужчина и юноша. Взгляд Вэнь Хао упал на шею юноши, где отчётливо выделялся кадык.

Лицо Вэнь Хао мгновенно побелело, он даже перестал хлопать. Юноша оказался настоящим юношей, мужчиной! Но они только что вошли, обнявшись...

Ли Юньтун, заметив перемену в друге, забеспокоился:

— Что случилось?

Вэнь Хао молча указал в сторону:

— Он... они... — от потрясения он начал запинаться.

Юньтун посмотрел, куда указывал друг, и всё сразу понял. Он усмехнулся:

— О, ты не знаешь? Это Су Ян, известный кролик. Раз уж природа одарила его такой внешностью, он решил зарабатывать на жизнь тем, чем может, и теперь пользуется невероятным спросом.

— Как ты можешь так грубо говорить об этом!

— Но такова правда.

Вэнь Хао долго не мог прийти в себя. Его глаза непроизвольно приковались к той ложе, и о пьесе он уже не помышлял.

— Эй, будь поосторожнее, — дёрнул его за полу халата Юньтун. — Неприлично так пялиться на людей.

Но Вэнь Хао не мог заставить себя отвернуться. Конечно, в армии такие вещи случались часто, так было испокон веков. Один европейский генерал сказал: в окопах не бывает атеистов, но обязательно найдутся любовники. Однако никто прежде не осмеливался вести себя так

бесстыдно. Неужели его взгляды безнадежно устарели?

Мужчина, почувствовав на себе взгляд, не только не смутился, но, словно назло, обнял юношу, поцеловал его и, вскинув брови, улыбнулся Вэнь Хао, будто говоря: Ну и что ты мне сделаешь?

Вэнь Хао затрясло от гнева, но он был бессилен. Негодяй! Он отвернулся, пытаясь успокоиться, и спустя время спросил:

— А кто этот мужчина, что с Су Яном?

На сцене тем временем ведущая актриса Ли Хуэйчжу пела классическую арию... «На коне, среди персиковых деревьев, полна величия, кровь врагов брызгает на гранатовую юбку...»

— Кажется, по фамилии Сун, — рассеянно ответил Юньтун.

Вэнь Хао схватил старую газету и закрыл ею обзор Ли Юньтуну.

— Эй! Ты что творишь? — взбесился тот, глядя на друга, помешавшего ему насладиться игрой.

— Отвечай нормально, потом досмотришь, — Вэнь Хао остался непреклонен.

Юньтун недовольно проворчал:

— Я не так много знаю. Говорят, он из богатой семьи из Бэйпина, учился за границей, живёт один в районе Чжуншань-4, по соседству с Пань Вэньхуа и Чжан Чжичжуном.

— И всё?

— Почему тебя так волнует этот тип?

— Не твоё дело, у меня с ним свои счёты!

— Неужели ты влюбился в Су Яна и ревнуешь?

— Перестань нести чушь!

Ли Юньтун развёл руками:

— Больше я ничего не знаю. Говорят, он очень богат, образован и воспитан. Сам понимаешь, такие «золотые мальчики», выросшие под сенью древних столиц, как пишут в пьесах: «стихи и песни знает, на цитре и в шахматах силён». Конечно, я бы добавил: «мастер пиров и разврата». Но должен признать, смелости ему не занимать: открыто предаваться таким утехам в наше время решится не каждый.

Стихи и песни? Разврат? Вэнь Хао презрительно фыркнул. Он презирал таких избалованных аристократов. Разве в этом заключается истинная доблесть? Сейчас, когда нация на грани гибели, они продолжают волочиться за актёрами и распевать оперы, воображая себя утончёнными натурами. Вэнь Хао снова украдкой взглянул на соседа: тот с упоением слушал

спектакль, не замечая неприязненного внимания.

— Никчёмный человек, — прошипел Вэнь Хао.

Спустя пять месяцев после того, как Вэнь Хао ушёл в отставку, пришла весть: Наньчан пал. Весенний ветер, не знающий печали, пересёк горные хребты, прогоняя зимнюю стужу и наполняя землю жизнью. Но сердце Вэнь Хао не могло ожить вместе с природой. Когда-то Ван Бо написал строки: «Летающие облака сливаются с одинокой уткой, осенняя вода и бесконечное небо одного цвета», — вряд ли он мог представить, что через тысячу лет этот прекрасный город будет растерзан войной.

Число беженцев, стекающихся в Чунцин, росло. Вэнь Хао с дядей были заняты обустройством бывших сотрудников их торговых домов, прибывающих со всех концов страны. Только эта бесконечная работа помогала ему не утонуть в отчаянии. Ресурсы иссякали, жизнь становилась всё труднее, и Вэнь Хао понимал: он лишь латает дыры, а не решает проблему. Но что поделать? Оставалось только держаться.

Однажды к нему заглянул Ли Юньтун:

— Советую тебе переехать вниз, к подножию, а то каждый раз добираться до тебя — это час пути, устаешь до смерти.

Вэнь Хао криво усмехнулся:

— Куда именно?

— А как же ваша вилла на южном берегу?

— Она уже битком набита управляющими и приказчиками, сбежавшими из Шанхая и Нанкина.

Юньтун вздохнул:

— И вы их всех кормите? Так вы скоро всё проедите.

— Когда война закончится, станет легче.

— Чёрт знает, когда она закончится.

— Поэтому нам нужно сплотиться и приложить общие усилия.

Ли Юньтун улыбнулся и достал приглашенный билет:

— Раз ты так настроен, тебе будет интересно посетить это мероприятие.

Вэнь Хао взял карточку: студенты Чунцинского университета организуют благотворительное выступление в пользу армии. В приглашении значилось: «Просим distinguished benefactors почтить нас своим присутствием, это будет честью для нашего университета и

для всего Китая!»

Вэнь Хао воодушевился:

— Идём! Когда?

— Сегодня вечером.

Вэнь Хао потянул друга на выход:

— Спускаемся с горы прямо сейчас!

— А ужин? — Юньтун был недоволен, он ведь планировал поесть стряпни Старой госпожи.

— Я угощу тебя лапшой по-сычуаньски и тофу в Юннъянчунь прямо напротив главных ворот! — Вэнь Хао не терпелось отправиться в путь.

Голэшань утопал в зелени, и лишь на солнечных склонах полыхали дикие азалии, похожие на красную дымку, наброшенную на траву. Жители Чунцина называли эти цветы «вспыхнувшие горы». В этом году, из-за тревожного настроения, они казались Вэнь Хао особенно печально-прекрасными.

Чунцинский университет находился в Шапинба, у подножия горы. Вдоль реки Янцзы кипела работа: заводы, эвакуированные с оккупированных территорий, спешили возобновить производство. Эта суматоха дарила слабую надежду.

Лапша в Юннъянчунь оказалась всё такой же нежной, а тофу с острым соусом — отменно пряным. Увидев в соуснике ароматный перец, жаренный на масле, Вэнь Хао тяжело вздохнул.

Юньтун улыбнулся:

— Знаю, о чём ты. Но Мэн-цзы говорил: «Почитай своих старших и распространяй это на чужих». Сначала нужно навести порядок у себя, чтобы помочь миру, понимаешь?

Слова Юньтуна прозвучали здраво, и Вэнь Хао почувствовал просветление:

— Юньтун, ты куда умнее меня.

— Просто со стороны виднее.

После ужина они вошли в актовый зал университета. Мест уже не было, проходы забиты студентами, но благодаря приглашениям Юньтуна они сели в первом ряду. Вэнь Хао огляделся: здесь собрались сливки общества — военные, политики, деятели культуры и бизнесмены.

— Деньги взял? — спросил Юньтун.

Вэнь Хао показал чек:

— Все мои сбережения.

Юньтун присвистнул:

— Ты что, в армии ни копейки не тратил?

— Куда мне до щедрот семьи Ли, — усмехнулся Вэнь Хао. — Слышал, вы уже купили несколько крыльев для самолётов.

Вскоре представление началось. Пятеро студентов под аккорды хуциня и барабана исполнили «Маньцзянхун». Хотя их пение уступало профессионалам, в нём было столько искренности и мощи, что зал взорвался аплодисментами.

Когда студенты ушли, а ведущий вышел объявить следующий номер, на пустовавшее справа от Вэнь Хао кресло сел мужчина. Вэнь Хао невольно взглянул в ту сторону и остолбенел: опять этот тип по фамилии Сун! Да что же это такое? Встречаться так часто — это уже не случайность.

На сцене начались песни и танцы, отрывок из фильма «Певица под сапогом захватчика». Вэнь Хао больше не мог смотреть на сцену, он украдкой разглядывал соседа. Неужели этот повеса собирается пожертвовать деньги на спасение страны?

Мужчина узнал его:

— Какое совпадение. — Он заговорил на чистом путунхуа.

Вэнь Хао, обычно вежливый, сейчас не смог сдержаться. Вспомнив все его «подвиги», он фыркнул и отвернулся, делая вид, что не слышит. Мужчина, проявив такт, замолчал.

Выступление шло своим чередом, в ящик для пожертвований летели чеки и деньги. Ближе к финалу ведущий вышел на сцену с сияющим лицом:

— Сегодня у нас особый гость, хотите увидеть его выступление?

— Да! — грянул зал.

На сцену вышел мужчина средних лет в военной форме, с густой бородой — заместитель председателя Военного комитета, господин Фэн. Весь зал встал, приветствуя его овациями. Господин Фэн исполнил незамысловатую народную песню:

— Слушайте, братья, о том, что скажу. Наш сосед с востока, маленький японец, захватил наш Тайвань и Маньчжурию, хочет уничтожить Китай...

Пусть пел он не как профессионал, но в горле Вэнь Хао встал ком. Эта песня напомнила ему бои в горах Тайхан, стычки на берегах Янцзы и Хуанхэ, выстрелы у моста Лугоуцяо, огонь артиллерии при Тайэрчжуане...

— Хм, поёт преотвратно, — раздался рядом ледяной голос. — Даже если бы никто не пришёл, китайцы сами себя погубят. Зачем такая суета?

Эти слова, как ледяная вода, окатили Вэнь Хао. Его кровь вскипела от ярости. Как может человек с хоть каплей достоинства говорить такое? Вэнь Хао сжал кулаки, едва удерживаясь, чтобы не наброситься на наглеца.

— Если вы такого мнения, зачем пришли сюда? Лучше бы вернулись домой предаваться разврату, разве это не веселее?

Мужчина посмотрел ему в глаза. Впервые в его улыбке не было насмешки:

— Трать свою горячую кровь на таких же ослеплённых юнцов. На меня злиться бесполезно.

— Мы лучше будем слепыми, чем трусливыми черепахами! — ответил Вэнь Хао.

— О, я — черепаха? А кто тогда ты, сидящий здесь рядом и смотрящий то же самое представление?

— Ты...

Зал разразился аплодисментами — программа закончилась.

— Помни, война — это всего лишь игра, — поднявшись, сказал мужчина, — здесь каждый всего лишь пешка. — Он слегка кивнул Вэнь Хао и ушёл.

Ли Юньтун хлопал так, что ладони горели, и только тогда заметил, что друг сидит с мертвенно-бледным, отрешённым лицом.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил он.

— Юньтун, — тихо спросил Вэнь Хао, — я трусливая черепаха?

Юньтун не знал, плакать или смеяться:

— Ты хочешь, чтобы я, который ни дня не был в армии, почувствовал себя ничтожеством?

— Но почему я до сих пор здесь? Как мужчина, я должен быть на фронте.

— Не знаю, какая муха тебя укусила, но вспомни, что я говорил: сохранишь горы зелёными — дров хватит.

Вэнь Хао оставалось лишь горько улыбнуться. Бывают моменты, когда слова теряют смысл.

<http://bllate.org/book/21143/2144163>